

УДК 1(091)

Историософия России А. С. Хомякова в свете его учения о соборности как о «единстве во множестве»

И. А. Лебедев

*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
(Мининский университет), г. Нижний Новгород*

Аннотация. Статья посвящена осмыслению историософии России А. С. Хомякова с точки зрения его учения о соборности как о «единстве во множестве», которое сам мыслитель видел основой не только церковного устройства, но и жизни личной, общественной и государственной в целом. Определяются религиозно-философские, исторические, геополитические и бытовые факторы, повлиявшие на генезис учения Хомякова, сквозь призму которого, в свою очередь, мыслитель рассматривал историософию России. Автор приходит к выводу о том, что А. С. Хомяков характеризует формирование соборного мироустройства жизни в России как естественный процесс, имеющий определенные временные рамки.

Ключевые слова: А. С. Хомяков, В. О. Ключевский, историософия России, соборность, «единство во множестве», личность, община, народ, государство, провиденциализм.

Актуальность заявленной темы сегодня обусловлена наличием тех же факторов, что и во времена самого Хомякова: многообразие наций, культур, устоев, религиозных культов страны; ее территориальная протяженность с различными географическими, климатическими и природными условиями. Цель статьи – выявление специфики хомяковского осмысления историософии России, обусловленной его учением о соборности как о «единстве во множестве». Современный россиянин, находясь примерно в тех же культурно-исторических реалиях, что и его соотечественник XIX в., задается вопросом о возможности мирного сосуществования с себе подобными во всем этом многообразии и при этом, что наиболее актуально, сохранения своей индивидуальности. Анализ историософских размышлений А. С. Хомякова позволит сформулировать ответы на эти вопросы.

Итак, на формирование религиозно-философского осмысления мироустройства родоначальника славянофильства Алексея Степановича Хомякова оказали влияние как субъективные, так и объективные факторы. К первым можно отнести богатый внутренний мир и множественные таланты, которые с детства проявлял Хомяков, к объективным – семейный и народный быт, внешне- и внутривосточную жизнь империи, ее социальные, культурные и религиозные императивы; кроме этого важную роль в формировании мировоззрения мыслителя сыграли русофобские настроения на Западе и внутри государства.

Однако, думается, все же нельзя приписывать вышеуказанным факторам роль *одновременных «зодчих»* однозначно соборного мышления Алексея Степановича. Все эти факторы, хоть и неравномерно и неодновременно, но онтологически влияли на мироощущение философа, формируя его соборное мышление. К слову, экклесиологическая часть учения о соборности стала в итоге вершиной его размышлений подобного свойства: это учение мыслителя «приходит как новое, более зрелое выражение тех же основ его опыта и менталитета, что прежде, на славянофильском этапе, выражалось на языке понятий “жизни”, общины, самобытности» [8, с. 155], – пишет философ С. С. Хоружий. Но подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашего исследования.

Рассматривая объективные факторы, повлиявшие на философские взгляды Хомякова, согласимся с профессором В. Ш. Сабировым, который выделяет несколько характерных признаков соборного мышления в различных сферах жизни России, косвенно подтверждающих наше предыдущее умозаключение. Первое, на что обращает внимание В. Ш. Сабиров, – это то, что Россия предстает как *собор* большого количества наций, языков, религиозных и культурных убеждений, построенный на взаимодействии и солидарности (витализм, а не механизм); второе – стояние России на общине не городской, а сельской, где характерной особенностью было решение спорных вопросов на всеобщем собрании – «на миру»; третье, что отмечается профессором, – это такой способ общественного взаимодействия, как русская артель, позволяющая совмещать тягу русского человека к самостоятельному и обособленному труду с коллективными усилиями, характерной особенностью которой была так называемая круговая порука, когда каждый отвечал за каждого и всех, а все – за каждого в отдельности; и, наконец, четвертое – это земство как орган местного самоуправления, введенное в 1864 г., которое по мере своего развития приобрело большое влияние не только на общество на местах, но и на правительство [3, с. 73–74].

От себя добавим еще и пятый характерный признак соборного мироощущения народов России, о котором профессор Сабиров упоминает лишь косвенно, – это церковно-приходское устройство общин, которые еще более укрепляли уже имеющиеся отношения между жителями одной местности, объединяя их еще и на почве религиозно-нравственных устоев, легитимно и централизованно транслируемых и контролируемых приходом как собранием верующих во главе с епископом или священником.

Необходимо также акцентировать внимание на другом, можно даже сказать, объективном первичном факторе, приведшем народонаселение России к осознанию необходимости мирного сосуществования разных культур в масштабах либо отдельно взятого сообщества, либо города, либо целого государства. Это те геополитические реалии страны, на которые обратил особое внимание В. О. Ключевский. Поговорим немного о них.

Ключевский в «Курсе русской истории» прямо указывает на то, что повлияло на формирование индивидуальных особенностей наций (применительно к нашей проблематике – «множества»); и на что, в свою очередь, сге-

нерировало приоритет единения народов (применительно к нашей проблематике – «единства»). Приведем соответствующие высказывания Ключевского: «Должно быть, всякому народу от природы положено воспринимать из окружающего мира, как из переживаемых судеб, и претворять в свой характер не всякие, а только *известные* впечатления, и отсюда происходит *разнообразие* национальных складов, или типов, подобно тому, как неодинаковая световая восприимчивость производит разнообразие цветов. Сообразно с этим и народ смотрит на окружающее и переживаемое под известным *углом*, отражает и то, и другое *в своем* сознании с известным *преломлением*. Природа страны, наконец, не без участия в степени и направлении этого преломления» [2, с. 316]. Таким образом, говоря о различии культур, историк показывает, что причиной их «множества» являются в том числе и природные факторы.

Что же становится объединяющим элементом, обеспечивает «единство»? «Несомненно то, – пишет Ключевский, – что человек поминутно и попеременно то *приспосабливается* к окружающей его природе, к ее силам и способам действия, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям, от которых не может или не хочет отказаться, и на этой двусторонней борьбе с самим собой и с природой вырабатывает свою сообразительность и свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частью и свои *отношения к другим людям*» [2, с. 78–79]. Конечно, недостаточно указать только на наличие каких-либо отношений между людьми, живущими рядом, так как, безусловно, в этом нет ничего необычного. Важно их артикулировать. Поэтому Ключевский далее отмечает, например, особую роль русской реки, наделяя ее воспитательной функцией при формировании «чувства порядка и *общественного* духа в народе». Посредством «половодья, указывая, где не нужно селиться», «русская река приучала своих прибрежных обитателей к *общезитию* и *общительности*, воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, *артельному* действию, *сближала* разбросанные *части* населения, приучала чувствовать себя *членом* общества, обращаться с *чужими* людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение» [2, с. 85–86]. Следовательно, мы видим, что Ключевский прямо обозначает влияние географического положения на формирование соборного мышления у народов России как проявления «единства во множестве».

Думается, Хомякову как тонкому мыслителю, который при жизни не стал периода научной деятельности Ключевского, вышеперечисленные историко-софские рассуждения последнего тоже были хорошо понятны и знакомы.

Теперь, когда мы рассмотрели факторы, повлиявшие на становление учения Хомякова, перейдем непосредственно к рассмотрению мыслителем историсофии России в интересующем нас аспекте. В статье «О старом и новом» (1839 г.), изначально предназначенной не для печати, а лишь для выступления на вечере в доме Киреевского, Хомяков определяет ключевые факты и события, повлиявшие на становление в России социально-соборных принципов общественной жизни. В качестве одного из наиболее ранних фактов мыслитель упоминает «мирские приговоры и сходки» и «суд присяжных», которые служили народными совещательными органами и «которые не смогли унич-

тожить ни власть помещика, ни власть казенных начальств». «Дружба» власти и народа при царе Алексее Михайловиче была выражена в обычае «собирать депутатов всех сословий для обсуждения вопросов государственных». А чистота и просвещенность церкви, явленная в «целом ряде святителей, могучее слово которых способствовало к созданию царства» [7, с. 13–14], по-своему культивировали принцип свободного единства народов Руси.

В процессе становления Руси как государства «чистое и патриархальное» устройство народного быта исчезало. Диверсификация общества по мере увеличения общих государственных границ для некогда разрозненных племен была очевидна, а взаимную индифферентность в народе провоцировало, по мнению мыслителя, то, что «вольности городов пропадали, замолкали веча, отменялись заступничества тысяцких (выборных старшин. – Л. И.)», а вместо этого «вкрадывалось местничество, составлялась аристократия, люди прикреплялись к земле», и только в «минуты опасности» государство «напрягало все свои силы» с целью «сплочения разрозненных частей», «укрепления связей правительственных» и «механического усовершенствования всего общественного состава» [7, с. 17]. В последнем мы видим некоторое сходство с идеологией социализма и коммунизма: они видели суть единства нации как раз в механическом принципе взаимодействия общества, когда каждый человек мыслился лишь как некий винтик в машине государства, *послушно*, хотя и профессионально исполняющий свою в ней функцию, чтобы эта машина не давала сбоев. Принцип привлекательный и даже убедительный, но нивелирующий индивидуальные особенности личности, а значит ее свободу и уникальность.

Сам Хомяков, по свидетельству Бердяева, был противником всякого механистического подхода к обществу, именно поэтому славянофильская социальная философия основана на «идее живого общественного организма, а не мертвого государственного механизма» [1, с. 147].

Далее Алексей Степанович отмечает, что на ранней стадии зарождения Руси как государства христианство было ее «живительной силой», однако не одно оно. «Внутренняя связь» племен славянских, «мало известных друг другу» и «не живших никогда одною общею жизнью государства», была еще обусловлена «родством князей» и, отчасти, «единством торговых выгод» [7, с. 21]. Мыслитель вовсе не идеализирует византийское христианство с точки зрения воплощения евангельских идеалов «греками», так как в тот момент, к примеру, «эгоизм и стремление к выгодам частным» как характерная черта «грека-гражданина» актуализировалась в лице «грека-христианина», который, «забывая человечество, просил только личного душеспасения», а церковь, продолжая «отстранять человека от преходящего мира», в то же время «сохраняя только мертвую чистоту догмата, утратила *сознание* своих живых сил и память о своей высокой цели» [7, с. 22–23].

Греция, по мнению мыслителя, «явилась к нам со своими предубеждениями, с любовью к аскетизму, призывая людей к покаянию и самосовершенствованию, *терпя* общество, *но не благословляя* его, *повинуясь* государству, где оно было, *но не созидая* его там, где его не было» [7, с. 23]. «Чистотой учения» Греция «улучшила нравы и привела к согласию обычаи разных пле-

мен», обняв «Русь цепью духовного единства» и тем самым *лишь* приготовив общество «к другой, лучшей эпохе» [7, с. 23]. Почему «лишь»? Потому что народ, по мнению мыслителя, все еще онтологически «не желал единства, не просил его», так как оппонентом вождя единства пока выступали «властолюбие князей» и «еще более завистливая свобода общин и областей (Новгород, Псков, Киев и т. д.), привычных к независимости» и не способных воплотить в жизнь «идею великого государства» [7, с. 23–24].

Далее Хомяков рассуждает о роли провиденциализма в становлении соборного мышления народов Руси, где в качестве основного фактора выступает нашествие монголо-татар. Перерождение общества, которое «было необходимо», случилось благодаря «грозе с Востока», которую «встретила при Калке» «*тьнь* будущей России». Тем самым, по мнению мыслителя, Россию «Бог как будто призывал к единению и союзу». Следующим значимым этапом развития принципа «единства во множестве» стало, по Хомякову, основание в 1147 г. Москвы – города, еще не имеющего ни «прошедшего», ни «никакого определительного характера», но который являл собой *достоинство* «смешения разных славянских семей». Кроме этого, «живая и органическая» сила Москвы была в том, что она явилась одновременно «и созданием князей, и дочерью народа», совместив «в тесном союзе государственную внешность и внутренность» [7, с. 25], что прежде выражалось «в правительстве из варягов» и «народных вече» [7, с. 155] соответственно. Так провиденциально, по мнению русского философа, «идея города должна была уступить идее государства», и в «пустопорожных, диких полях Москвы» началась *новая* жизнь, «уже не племенная и не окружная, но общерусская», потому как «инстинкт народа, после кровавого урока, им полученного, стремился к соединению сил, а духовенство, обращающееся к Москве, как главе Православия Русского, приучало умы людей покоряться ее благодетельной воле» [7, с. 25].

Далее «явился Петр», который, «как страшная, но благодетельная гроза», ударил по боярам, «думающим о *родах* своих и забывающим родину», по монахам, «ищущим душеспасения *в келиях*, а забывающим *церковь*, и *человечество*, и *братство* христианское». Этими действиями первый император все-русский, по мнению философа, отчасти спровоцировал дальнейшее развитие идей единства и в церкви, и в обществе, хотя сам Петр «не вспомнил, что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода» [7, с. 27–28]. А подводя итог всей своей статье, Хомяков говорит о том, что во все времена «человек достигает своей нравственной силы только в обществе, где силы каждого принадлежат всем, и силы всех каждому» [8, с. 29]. Думаем, эта мысль актуальна и сегодня.

Таким образом, по утверждению А. С. Хомякова, соборные начала не пришли на Русь автоматически с принятием христианства, но формировались поэтапно, при взаимодействии провиденциализма, с одной стороны, и воли человека и общества – с другой. Подтверждает это и замечание Хомякова о том, что русское самодержавие в лице Михаила Романова, избранного «*после* многих крушений и бедствий *общим* советом», зиждется на воле народа, который «вручил своему избраннику всю власть, какой облечен был сам» [5,

с. 36]. Согласимся с Н. А. Бердяевым, который, объясняя этот феномен, обозначенный Хомяковым, пишет, что «славянофилы сторонники самодержавия не потому, что народ русский любит политическую власть и поклоняется политической мощи, а потому лишь, что народ этот не любит политической власти и отказывается от политической мощи». Все это происходит онтологически, потому как «высшее религиозное призвание русского народа, его духовное дело требует освобождения от политического властвования, от бремени государственности» [1, с. 147]. Далее Хомяков пишет, что народ передал государю право быть и государственным, и «главою народа в делах церковных», т. е. свое соборное «право голоса в избрании *своих* епископов» и право следить, чтобы «решения *его* пастырей и *их* соборов приводились в исполнение» [5, с. 36]. Здесь мыслитель указывает на взаимообусловленность таких факторов соборного мироощущения народа, как акт избрания царя и феномен соборов, в особенности земских.

Однако, говоря о некоторых положительных аспектах деятельности русских самодержцев, в данном случае Алексея Михайловича и Петра I, философ отмечает и отрицательные моменты самодержавия в целом. Как указывал Бердяев, героем «славянофильской общественности» был «народ, а не государство». Эта антиномия народа и государства, представленного в лице народного избранника – царя, обусловлена, по мнению Хомякова, развитием бюрократизма, спровоцированного властью в лице дворянства, чиновничества. Славянофилы, по мнению Бердяева, есть приверженцы «монархизма народного, самобытно русского», а не «западного абсолютизма». «Бюрократия – не органична, – пишет Бердяев, анализируя мысли Хомякова, – она чужда русскому духу, заимствована от немцев, бюрократия – болезнь русской души. Бюрократии чуждо сознание высокого *призвания* власти и народного ее происхождения. Власть – обязанность, долг, тягота, подвиг, а не привилегия, не право» [1, с. 148]. Поэтому идеальная форма мирного сосуществования народа и власти обеспечивается тогда, когда у народа есть свобода мнений, а у государства свобода решений.

Наиболее явно этот баланс был нарушен во время правления Петра I, когда абсолютизация власти привела к еще более сильному отдалению народа от власти. Это, в частности, выразилось в учреждении ряда министерств, развитии чиновничьего аппарата, в особенности же в упразднении патриаршества – олицетворения духовного выбора народа божьего и замене его синодальной системой управления церковью, что привело к «обюрокративанию» последней. Синодальная эпоха правления воспринимается Хомяковым как личная боль, поскольку его идеальная концепция не соответствовала реальности, в которой он жил. В этом устройстве церкви Хомяков, по мнению Бердяева, «не видел подлинной соборности, а видел унижение церкви перед государством» [1, с. 95].

Рассмотрев приведенное Хомяковым историософское осмысление становления идей «единства во множестве» в целом для России, теперь рассмотрим какова, с точки зрения мыслителя, роль общины и личности в генезисе соборного мышления народов России.

«Община, – пишет Хомяков, – есть *одно* уцелевшее *гражданское* учреждение всей русской истории. Отними его, не останется ничего; из его же развития может развиваться целый гражданский мир» [6, с. 162]. Говоря о взаимодействии личности и общины и, в целом, отвергая в этом вопросе всякий холлизм, мыслитель подчеркивает, что «общине приносится в жертву» лишь «*некоторая часть неограниченных прав лица индивидуального*» и это для всего общества «не может считаться убытком, ибо вознаграждается с лихвою» [6, с. 162–163].

Тем интереснее, что мыслитель ставит в прямую зависимость от способности человека жить в общине его нравственность, замыкая все это на гносеологии личности. Он пишет, что атомизация общества, его разъединенность есть «полное оскудение нравственных начал», а последнее, в свою очередь, «есть в то же время оскудение сил умственных» и что «если, кроме эгоизма собственности, ничто не доступно человеку с детства, он будет окончательно не то, чтобы дурной человек, а *безнравственно-тупой* человек; он одуреет». В то же время с детства «слышать только о деле общем и потом в нем участвовать», «видеть, как эгоизм человека становится лицом к лицу с нравственной мыслию *об общем*, о совести, законе обычном, вере, и подчиняться этим высшим началам, это – истинно нравственное воспитание, это просвещение в широком смысле, это развитие не только нравственности, но и ума» [6, с. 163–164]. Жизнь общины, обусловленная «взаимной и общей пользой», исключает утилитаризм, но направляет волю личности к уступкам, а человек, «уступая часть своего *произвола*, становится выше, как лицо нравственное, прямо действующее на всю массу общественную» [6, с. 166].

Кроме прочего, в дихотомии «личность – община в истории» мыслитель отдает предпочтение общине, так как субъектом истории является все человечество, а ее действующими лицами – отдельные человеческие общности, цивилизации. Именно они, а не отдельные выдающиеся личности (цари, полководцы, национальные герои) являются подлинным субъектом истории, так как «бесильна самая сильная личность против логической строгости исторических начал». «*Имена* делаются случайностями», ведь «не дела *лиц*», но «*общее* дело, жизнь всего человечества» есть подлинный смысл истории, которая в свою очередь не есть «отвлеченное созерцание внутренней жизни личной» [4, с. 29–30].

Итак, подводя итог, скажем, что учение Алексея Степановича Хомякова и его единомышленников о соборности есть хоть и незавершенное, но в определенной степени структурно разработанное учение, охватывающее религиозно-философские, историософские и даже геополитические аспекты. Мыслитель понимал соборность как «единство во множестве», которое возникло в сознании русского народа закономерно, развилось из целого комплекса разного рода ощущений и восприятий – от религиозных до бытовых – в твердое убеждение, мировоззрение. Этот перманентный процесс не был линейным. Историческая действительность, провиденциализм в истории иногда способствовали этому, иногда же, напротив, мешали. Тем не менее ориентация на принцип «единства во множестве» как мировоззрение, по мысли Хомякова, привнесла и, на наш взгляд, сегодня привносит ту специфику в отечественную историю, которая отличает ее от западной традиции, ориентирующейся на индивидуализм.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков / Н. А. Бердяев ; вступит. ст., послесловие, приложение и коммент. Л. Е. Шапошникова. – М. : Высш. шк., 2005. – 239 с.
2. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 1. Ч. 1. Курс русской истории / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина ; предисл. В. Л. Янина, В. А. Александрова ; послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. – М. : Мысль, 1987. – 430 с.
3. Сабиров В. Ш. Русская идея спасения: жизнь и смерть в русской философии / В. Ш. Сабиров. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1995. – 151 с.
4. Хомяков А. С. Записки о всемирной истории. Т. 5 / А. С. Хомяков // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. – 3-е изд., доп. – М. : Унив. тип. на Страстном бульваре, 1900. – 579 с.
5. Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных исповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси / А. С. Хомяков // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. – 3-е изд., доп. – М. : Унив. тип. на Страстном бульваре, 1886. – Т. 2. – С. 27–92.
6. Хомяков А. С. О сельской общине / А. С. Хомяков // О старом и новом. Статьи и очерки. – М. : Современник, 1988. – С. 159–167.
7. Хомяков А. С. О старом и новом / А. С. Хомяков // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. – 3-е изд., доп. – М. : Унив. тип. на Страстном бульваре, 1900. – Т. 3. – С. 11–29.
8. Хоружий С. С. Алексей Хомяков: Учение о соборности и Церкви / С. С. Хоружий // Богословские труды. – М. : Изд. совет Русской православной церкви, 2002. – Т. 37. – С. 153–179.

Historiosophy of Russia by A. S. Khomyakova on the Basis of His Doctrine of Sobornost as «Unity in Variety»

I. A. Lebedev

*Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod*

Abstract. The article presents reflection on the philosophy of Russian history by Khomyakov from the perspective of his doctrine of sobornost as «unity in variety», which the philosopher saw as the basis of not only church governance, but also personal, public and state life in general. The article defines religious and philosophical, historical, geopolitical and social factors through genesis of Khomyakov's teachings about sobornost as «unity in variety» on the basis of which the thinker considers the historiosophy of Russia. The author comes to the conclusion that A. S. Khomyakov describes development of the communal arrangement in Russia as a natural process having particular timeframe.

Keywords: A. S. Khomyakov, V. O. Klyuchevsky, historiosophy of Russia, sobornost, «unity in variety», personality, community, nation, the state, providentialism.

Лебедев Илья Андреевич

аспирант

*Нижегородский государственный
педагогический университет им. Козьмы
Минина (Мининский университет)
603950, г. Нижний Новгород,*

ул. Ульянова, д. 1

тел.: 8(831)4360490

e-mail: i-lebedev86@mail.ru

Lebedev Ilya Andreevich

Postgraduate

*Kozma Minin Nizhny Novgorod State
Pedagogical University (Minin University)
1, Ulyanov st., Nizhny Novgorod, 603950
tel.: 8(831)4360490*

e-mail: i-lebedev86@mail.ru